

поражение, она явилась источником рождения на Кубе «революционного мифа».

Итак, данный в работе Фиделя Кастро «История меня оправдает» анализ революционного процесса как закономерно обусловленного социально-го отрицания позволяет при помощи диалектико-методологического инструментария исследовать реальные процессы общественного развития Кубы во всей их сложности, многообразии и противоречивости. Опыт кубинского революционного движения подтверждает, что любые глубокие социально-экономические преобразования в странах Латинской Америки неизбежно выливаются в борьбу против американского империализма и местной олигархии, за решение аграрного вопроса, завоевание демократических свобод.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 20. С. 526.

² См.: Харин Ю. А. Диалектика социального отрицания. Минск, 1972. С. 77.

³ Кастро Ф. История меня оправдает. Гавана, 1981. С. 90.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 75.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 365.

⁷ Кастро Ф. История меня оправдает. С. 77.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Там же. С. 87.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 366.

¹¹ Кастро Ф. История меня оправдает. С. 171.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 33. С. 175.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 366—367.

¹⁴ Plataforma Programática del PCC. Habana, 1976. P. 19.

¹⁵ Rodríguez Zaira. La Historia me absolverá 30 años después // *Revolucion y Cultura*. 1984. N 7. P. 15.

И. М. НАЛИВАЙКО

О КРИЗИСЕ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЭТИКЕ

На протяжении первой половины XX века развитие англо-язычной этической мысли осуществлялось преимущественно в рамках позитивистской, сциентистски-ориентированной методологической традиции. Предпринятая Дж. Э. Муром критика «натуралистической ошибки» и основанных на ней нормативных теорий привела к полному отказу от анализа содержательной проблематики и концентрации усилий философов морали на прояснении значений этических терминов, изучении логики языка. Однако последовательное развитие этой сформировавшейся в духе основных методологических установок позитивизма метаэтической доктрины выявило несостоятельность ее претензий на статус подлинно научной этической теории. Строгая научность, отвечающая требованиям объективности и рациональности, трансформировалась в эмотивизме в свою противоположность — субъективистский произвол и иррационализм и, следовательно, этика потеряла всякие права на звание «практической философии». К концу 50-х годов стало очевидно, что буквальное следование метаэтическим установкам завело философию морали в тупик. Поиски выхода из этого тупика привели к попыткам реабилитации содержательной проблематики путем не критического соединения некоторых элементов нормативной этики с общими методологическими принципами пришедшего на смену неопозитивизму постпозитивизма. Наиболее отчетливо эта тенденция оформилась в концепции так называемого «логического натурализма», или «этики хороших оснований».

Несмотря на то, что «этика хороших оснований» является логическим следствием метаэтической теории, импульс, полученный ею со стороны эмотивизма, был чисто негативным. В ее задачу входило, в первую очередь, преодолеть противоречия последнего, — заполнить мировоззренческий «метафизический» вакуум, который образовался в науке о морали в период полувекowego господства метаэтики, восстановить в правах буржуазный идеал рациональности как способность морального субъекта к рациональному расчету, опирающемуся на предельно полную информацию. В связи с этим логические натуралисты объявляют основной целью этической тео-

рии нахождение убедительных (хороших) оснований, служащих надежной гарантией морального выбора. Отыскать такие основания они пытаются в логике аргументации, присущей обыденному моральному сознанию (суждениям «здравого смысла»). По мнению одного из основоположников данного направления С. Э. Тулмина, моральные суждения могут быть рационально обоснованы только в рамках определенного социально-языкового контекста. Причем он выделяет два типа «хороших оснований»: применительно к суждениям, касающимся правильности отдельных поступков, достаточно сослаться на их соответствие общим правилам или формам жизни, принятым в рамках данного контекста. Сами же правила получают оправдание в связи с целями и функциями морали. Поскольку основную функцию морали логические натуралисты усматривают в гармонизации интересов отдельных индивидов, общие принципы считаются рационально обоснованными или подкрепленными «хорошими основаниями» только в том случае, если они служат эффективным средством устранения конфликтов. В этом пункте логический натурализм тесно смыкается с так называемым «утилитаризмом правила».

Вторая половина XX века отмечена заметным оживлением интереса к утилитаристской теории. Причины этого своеобразного «ренессанса» достаточно подробно проанализированы в советской этической литературе¹. Обращение представителей «этики хороших оснований» к утилитаризму как нормативной теории, наиболее адекватно отвечающей ее задачам, не случайно. Им явно импонирует утилитаристская трактовка морального агента как рассудочного субъекта, способного принимать практические решения на основе точной калькуляции последствий, усмотрение объективности нравственных норм в их общепринятости, установка на строгую научность и «непредвзятость» этического исследования. Таким образом, утилитаризм представляет собой тот тип рационалистической нормативной теории, который может наиболее органично вписаться в метаэтическую традицию, восполняя ее пробелы в сфере практической смысложизненной проблематики.

Однако рационалистический характер логического натурализма ограничивается постулированием возможности обоснования моральных правил в рамках определенного контекста. Вопрос о причинах возникновения или принятия индивидом ценностей того или иного образа жизни выходит за пределы разума. Тулмин считает его неуместным и бессмысленным. Избрание того или иного образа жизни является делом личного предпочтения, основанного на велениях человеческой природы, понимаемой психологически. Таким образом, пресловутый моральный контекст, призванный элиминировать субъективизм эмотивистской теории, на деле оказывается всего лишь универсализацией субъективной позиции отдельного человека. Более того, уяснение моральным сознанием «хороших оснований» индивидуальных поступков отнюдь не означает необходимости поступать в соответствии с ними. Иначе говоря, основной вопрос любой нормативной теории «Почему я должен быть моральным?» в «этике хороших оснований» остается открытым. Тулмин не может найти логической связи между убеждениями индивида и моральными представлениями общества, как бы ни было трудно освободиться человеку от социальной и духовной власти общества². Размышление над этой проблемой приводит американского философа к признанию решающей роли религии в вопросе убеждения отдельного человека подчиниться требованиям морали. Происходит своеобразное разделение сфер влияния: этика дает хорошие основания для правильного выбора, религия помогает расположить к нему наше сердце. К такому же выводу приходит большинство представителей логического натурализма.

Эту ситуацию своеобразно прокомментировал один из сторонников «этики хороших оснований» Р. М. Грин. Он считает, что оправдание морали может выступать в двух аспектах: «общее оправдание», которое предполагает ответ на вопрос «Почему возможна мораль?», и «личное оправдание», которое предполагает ответ на вопрос «Почему я должен быть моральным?». И если первое, по его мнению, может быть осуществлено в рамках рациональных процедур, то выяснение механизма принятия индивидом моральных устоев общества неминуемо приводит современную философию морали к необходимости «основывать свои концепции на сверхестественных верованиях, предлагаемых религией»³.

Таким образом, логический натурализм продемонстрировал полную не-

способность решить поставленные перед ним задачи. Попытка преодолеть эмотивистский произвол обернулась постулированием новой формы субъективизма, рациональность получила признание в строго определенных рамках, за которыми притязания разума ограничиваются религией, претензия на практическую значимость новой моральной философии тоже оказалась несостоятельной.

Подобный финал был изначально предопределен порочностью основных методологических предпосылок данной концепции. Несмотря на явный тупик, в который завело метаэтику последовательное развитие позитивистских методологических установок, логический натурализм предпринял попытку своеобразной «реанимации» этической теории, оставаясь в русле все той же сциентистской традиции. В условиях ярко выраженного мировоззренческого, идеологического кризиса стремление к реабилитации традиционного идеала рациональности может быть расценено как попытка обоснования и сохранения неразрывно связанных с ним ценностей буржуазного образа жизни. Характерный для классической философской традиции идеал рациональности сложился под определяющим влиянием мироощущения и миропонимания буржуазного индивида, его специфического, техницистско-утилитарного отношения к внешней реальности. Специфика этого отношения наложила свой отпечаток на познавательную деятельность общества, выразившись применительно к естественным наукам в установке на объективность, строгую научность и непредвзятость процесса познания. Несколько позже идеалы классического естествознания были заимствованы философией, трансформировавшись в представление об абсолютной внеположенности объекта познания субъекту, об их метафизической противопоставленности. Эта традиция получила свое крайнее выражение в позитивистской концепции, которая к началу нашего столетия проникла в область этической теории, предопределив все основные ошибки и парадоксы буржуазной этики XX века.

Основной предпосылкой всех позитивистски-ориентированных теорий является анализ языка морали (теоретического и обыденного). Прояснение значения этических терминов или исследование логики морального сознания могло бы стать отдельной, вспомогательной областью этики. Но основная ошибка позитивистов заключается в том, что они пытаются свести всю реальность к языковой. Вооруженные изначально ложными гносеологическими посылками, они не в состоянии понять специфический, а именно практический способ бытия человека в мире. В силу этого мораль рассматривается не как конкретно-исторический функционирующий феномен, а как застывшее, «ставшее» в своем продукте — языке, образование. Вследствие особенностей такого видения язык лишается всякой связи со своей реальной, содержательной социальной основой. Соответственно категории и логика морального сознания трактуются не как результат конкретных форм исторической практики, а как чисто произвольные явления, закрепленные в обыденном сознании только привычкой. Естественно, что при такой интерпретации морали всякие попытки сослаться на социально-языковой контекст как на репрезентацию исторического взгляда оказываются неприемлемыми. Этика, развивающаяся в рамках постпозитивистских методологических установок, может претендовать не на историзм, а лишь на контекстуализм.

Притязания логического натурализма на практическую значимость своей философии также неправомерны. Ему не удалось восстановить образ субъекта выбора в этике, поскольку выведение практического измерения из анализа продукта, отторгнутого от конкретных форм нравственной деятельности и овеществленного в языке, невозможно.

Сами буржуазные философы начинают осознавать несостоятельность подобной точки зрения на мораль. Один из критиков аналитической этики А. Макинтайр считает, что последняя вообще не представляет собой самостоятельного образования, а является лишь тенью, слабым отголоском широкомасштабных этических теорий прошлого⁴. Это замечание имеет под собой определенные основания. Сочинения современных аналитиков действительно часто пестрят ссылками на этическую традицию, в особенности на философию Аристотеля и Канта. Критерием отбора в данном случае выступает предпринятая в концепциях этих мыслителей попытка сочетания рационального и практического моментов. Этика Аристотеля вообще рассматривается логическими натуралистами как прототип «нетрансцендентального философствования, близкого к практически ориентированному мышлению»⁵.

Это явление может рассматриваться одновременно как показатель двух тенденций. С одной стороны, оно свидетельствует об общей для современной буржуазной философии тенденции постепенного приближения к проблематике, которая давно стала объектом исследования марксистской теории, — проблематике практической жизнедеятельности человека. С другой стороны, подобные ссылки на классиков рационалистической философии иногда выглядят как попытка сохранения традиции путем некритического заимствования из нее.

Однако осознание бессилия теоретических программ логического натурализма приводит не только к эклектике, но и к провозглашению прямого отказа от традиции, который прозвучал, например, в книге одного из основоположников данного направления С. Хэмпшайра «Мораль и конфликт». Он считает, что многовековая рационалистическая традиция в этике была ошибкой. Утверждение, что улучшение человеческой жизни происходит из улучшения мышления, неверно. Разуму в нравственности отведена гораздо менее значительная роль. По мнению Хэмпшайра, есть два аспекта морали: универсализованный и партикуляризованный, соответствующие двум моделям понимания и объяснения, характерным, с одной стороны, для естественных, с другой — для исторических и лингвистических наук. Первый аспект связан с неизменной общечеловеческой природой и имеет более узкое значение, чем второй. Второй всецело определяется тем контекстом, или «формой жизни», в который погружен человек. Это тот свод традиций, привычек, предписаний и запретов, который индивид застает уже сложившимся и который он стихийно усваивает (не рефлексировав над его основаниями) и пользуется интуитивно. (Хэмпшайр проводит параллель между своим толкованием «формы жизни» и выдвинутым Юмом термином «второй природы человека»)⁶.

Автор книги высказывает ряд интересных мыслей о влиянии человеческой деятельности на тип объяснения, о зависимости типа оправдания от типа объяснения, о закономерностях соотношения морали как общечеловеческого феномена с конкретно-историческими системами нравственности, но все они, как правило, остаются нереализованными. Однако в рамках данной статьи концепция С. Хэмпшайра представляет интерес не столько с точки зрения ее позитивных или негативных результатов, сколько как следующее логическое звено в развитии сциентистской этики. В лице Хэмпшайра моральная философия позитивистской ориентации совершила как бы новый виток, придя к отрицанию всего, что провозгласил своей программой логический натурализм. Рационалистический подход к решению этических проблем с первых же страниц книги отвергается как не способный дать адекватное представление о морали. Практическое измерение исчезает, поскольку управляют людьми не рациональный расчет, а моральные интуиции, да и сама практическая значимость морали как средства ликвидации конфликтов ставится под сомнение, поскольку Хэмпшайр провозглашает конфликт ее вечным, необходимым и неэлиминируемым источником. Утилитаристские установки, узаконенные логическим натурализмом, также подвергаются острой критике, что неудивительно ввиду крайней одиозности и явной конформности утилитаризма к эгоистическим интересам буржуазного обыденного сознания. Таким образом, круг замкнулся. Позитивистски-ориентированная буржуазная этика второй раз за время своего существования опровергла свои собственные установки.

Правда, отвергая рационалистическую традицию как несостоятельную, С. Хэмпшайр сам в значительной степени остается в ее русле, сохраняя в качестве основного объекта исследования язык, пытаясь дать рациональное объяснение нерациональным основаниям морали, признавая неизменную, внеисторическую природу человека. Это обстоятельство свидетельствует о том, что сциентистская этическая традиция явно исчерпала свои возможности; последовательное развитие ее методологических основ ведет к ее противоположности — иррационализму. Но даже осознавая это, она не в силах вырваться за свои пределы, найти подлинно новые, перспективные пути решения возникающих проблем.

В заключение можно сказать, что кризис методологической базы современной буржуазной этики выразился в трех основных аспектах. Во-первых, в том, что этические концепции оказываются не в состоянии реализовать прокламируемые ими цели и задачи. Во-вторых, попытка сохранить буржуазный идеал рациональности в области моральной философии приводит к уступкам иррационализму и религии. И, наконец, неспособность найти достаточно надежные методологические основания для анализа

содержательных проблем ведет к отказу от методологии вообще. Этика переживает процесс превращения из всеобъемлющей теоретической философской дисциплины в конгломерат узко-специальных областей исследования — так называемых «профессиональных этик». «Медицинская этика, деловая этика, этика журналистов и так далее должны стать руководящими моделями для философской этики»⁷.

Можно констатировать, что до тех пор, пока буржуазная философия морали будет по инерции двигаться в русле привычных методологических установок, смысложизненная проблематика, глобальные вопросы, стоящие перед всякой этической теорией, останутся для нее неразрешимыми. Этическая мысль будет по-прежнему «биться» в рамках дилеммы: либо рационализм, либо иррационализм, не осознавая того, что последний является необходимым результатом последовательно проведенного узкобуржуазного взгляда на рациональность.

¹ См.: Дубко Е. Л. Марксистско-ленинская этика: Критика современной буржуазной этики. Курс лекций. М., 1983. Ч. VI; Куликова Н. Н. Критика утилитаристских концепций морали. М., 1981.

² См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974. С. 180.

³ Green R. M. Should We Return to Foundations? // *Knowing and Valuing: The Search for Common Roots*. New York, 1980. P. 278.

⁴ См.: MacIntyre A. A Crisis in Moral Philosophy: Why Is the Search for the Foundations of Ethics so Frustrating? // *Knowing and Valuing*. New York, 1980. P. 24.

⁵ Дубко Е. Л. Указ. соч. С. 69.

⁶ См.: Hampshire E. *Morality and Conflict*. Oxford, 1983. P. 6—7.

⁷ Beauchamp T. L. *The Foundations of Ethics and the Foundations of Science* // *Knowing and Valuing*. New York, 1980. P. 266.

С. С. КУПЦОВ

СТРУКТУРА И КОНТИНУУМ КАК ПРЕДЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПЕРИОДА РАННЕЙ КЛАССИКИ

К периоду ранней классики с учетом общенсторического развития Древней Греции современные исследователи относят VI—V века до н. э. Это время развития досократовской (натурфилософской, или космологической) мысли.

Материалистически переосмысливая положения Гегеля об этой ступени развития античной философии, В. И. Ленин отмечает для себя, в частности, то место в гегелевских лекциях по истории философии, где речь идет о переходе развивающегося из одного в другое. А точное понимание развития как возникновения и уничтожения всего, взаимопереходов, относящихся к самым общим понятиям, неразрывно связано, в свою очередь, с объективным характером диалектики. В связи с апориями Зенона об едином и многом, о движении В. И. Ленин выдвигает тезис, существенно важный для понимания всей раннеклассической мысли: «Движение есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерывность... и «пунктуальность» (= отрицание непрерывности, прерывность). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий»¹.

В советской философской науке эти ленинские мысли получают развитие в связи с тенденцией рассматривать ту или иную проблему в ее культурно-историческом контексте. В таком случае должны быть последовательно учтены три момента: место раннеклассической мысли Древней Греции в общенсторическом процессе, т. е. общекультурный контекст; насыщенность раннеклассических учений стихийной материалистической диалектикой, ее объективный характер; специфическое проявление развития раннеклассической мысли (ее логических структур) в связи с общеантичными формами сознания в пределах греческого классического полиса.

Наиболее полную концепцию античной культуры предложил известный советский философ и филолог А. Ф. Лосев. Античная философия понимается им как эстетика, т. е. как выражение внутреннего во внешнем, общего в единичном². Благодаря такому подходу А. Ф. Лосеву удалось представить античную культуру (и философию) как в ее непрерывном становлении, так и в конкретных формах сознания античного мира. Суть же ста-